РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

Ирина Чернова,
"Комсомольская Правда" (Волгоград)

Мы много знаем, но мало пишем...

Я работаю собственным корреспондентом "Комсомольской правды" в Волгоградской области. И хотя вы, наверное, это знаете, хочу еще раз подчеркнуть, что Москва и провинция - это два разных мира. Если в Москве уже хоть как-то прижились принципы цивилизованных взаимоотношений между властями и прессой, то российская провинция - это своеобразный Восток, со своими нравами и обычаями. Поэтому свобода доступа к информации в Москве и в провинции - это несколько разные вещи. Что касается прессы, то возможности центральных изданий в регионах ограничены, а местная пресса в своем подавляющем большинстве дотируется из местного бюджета. А если не дотируется, то у местной власти достаточно других рычагов, чтобы ею манипулировать, поскольку, как правило, местная администрация входит в число учредителей местных изданий. Если же и существуют местные издания, которые позволяют себе критиковать власти, то круг их влияния очень невелик, потому что они никак не могут конкурировать по цене, а значит, по тиражам с теми, которые дотируются.

Следующим ограничителем свободной информации является аккредитация. Сама по себе необходимость аккредитации при пресс-центрах - это уже своеобразная цензура. Например, руководство Волгоградского МВД издает Положение об аккредитации, в котором говорится, что аккредитованными могут быть журналисты, имеющие материалы на правовые темы, имеющие практику сотрудничества с пресс-центром УВД, публикующие объективную, достоверную информацию. При этом аккредитованные журналисты получают первоочередное право на получение информации, то есть журналистов разделяют на тех, у кого первоочередное право и тех, у кого такого права нет. Устанавливается не место и время, где и когда следует быть, для того, чтобы получить информацию, а устанавливается право на то, чтобы ее получать. Кстати, ни у меня, и ни у одного из сотрудников моего Волгоградского представительства нет аккредитации в государственных структурах. Всем было устно, а не письменно отказано в аккредитации.

Кроме того, все прекрасно понимают, что в любом пресс-центре можно получить только ту информацию, которая выгодна для ведомства. Там, где создаются пресс-центры, там непременно издается приказ о том, что отныне ни один сотрудник не имеет права общаться с журналистами напрямую, он может делать это только через пресс-центры. Да и сами сотрудники этих ведомств не горят желанием разглашать информацию, которая может навредить их интересам.

Волгоградскому журналисту Игорю Рувинскому, позволявшему себе печатать письма читателей, в которых рассказывалось о фактах, не совсем приятных для работников милиции, три года назад местное УВД отказало в аккредитации, потому что, по мнению милицейских чинов, он давал необъективную информацию о работе милиции. Это не суд установил, а сами органы милиции. Потребовалось три года судебных процессов, чтобы доказать, что в аккредитации ему отказали незаконно.

Иногда проблемы возникают не тогда, когда журналист добывает информацию, а тогда, когда она уже у него в руках, и он пытается эту информацию реализовать. Особенно если эта информация как-то бросает тень на власти. То есть, с одной стороны, журналисту не дают добраться до информации, а уж если он добрался, то используют все возможности для того, чтобы помешать ее обнародовать. Я на собственном опыте убедилась, что получить доступ к информации - это не всегда полезно для здоровья. Когда в очередной раз написала корреспонденцию о коррупции в органах МВД, меня пригласили в Волгоградское УВД и порекомендовали дать опровержение. Я

естественно отказалась, потому что опровержение меня заставить опубликовать может только суд. А в суд никто никогда не обращался по моим публикациям.
В тот же день на меня завели оперативное дело, установили слежку, телефоны взяли под контроль. Для того, чтобы завести дело, состряпали донесение о том, что я якобы торгую автомобилями. Весь маразм, вся глупость заключалась в том, что я за всю свою жизнь ни разу не была на автомобильных рынках. И поэтому доказать такой бред было невозможно. Да им это было и не нужно. Главное было взять телефон под контроль и установить источники информации. И в результате этой слежки, им удалось насобирать кое-какие факты о моей личной жизни. Я уточню, интимной жизни. По телефону узнав, что я собираюсь публиковать новую информацию об убийстве журналиста в опорном пункте милиции, меня пригласили в УВД и открыто шантажировали. То есть сообщили, что "мы тут за тобой следили и если ты не успокоишься, тогда всю информацию о тебе, о твоей личной жизни мы обнародуем, фотографии в подъездах развесим и в прессе опубликуем, и по телевидению покажем, и по редакциям разошлем и т.д". Рассказали о том, как они за мной следили, на каких километрах снимали и т.д.
К счастью, все это мне удалось записать на пленку. Поскольку я занимаюсь расследованиями, то диктофон почти всегда со мной. Если бы не удалось, то ничего доказать было бы невозможно. Я обратилась в суд, прокуратуру с заявлениями о слежке, о шантаже. Благодаря вмешательству Фонда Защиты гласности и информационной поддержке моих коллег, вмешательству Генерального прокурора в Волгограде возбудили уголовное дело по ст. 140-1. В России таких дел было всего, по-моему, три. Но по факту шантажа не было вообще ни одного. Причем из дела выбросили такие эпизоды, как факт моего задержания бригадой из 8 вооруженных автоматчиков, которые приехали, забрали меня, подержали немножко, потом отпустили, а в суде заявили, что я выразила желание съездить к ним на экскурсию. И они мне не могли отказать, оказывается. Все эти эпизоды повылетали, конечно, остался только шантаж, от которого никак невозможно отказаться, потому что есть пленки. Так вот, я бьюсь - эффект нулевой. Есть пленка, была экспертиза, вызывали каких-то свидетелей, и хотя дело-то недельное, но оно тянется уже год. То есть дело в суде вроде бы существует, но никакого движения по нему нет. И единственная возможность, - обратиться в Конституционный Суд с тем, чтобы суд признал незаконным Закон, на основании которого за любым из нас могут безнаказанно следить: за журналистом, за предпринимателем, за кем угодно, для того, чтобы затем оказывать давление. Предприниматель будет потом оказывать спонсорскую помощь правоохранительным структурам. Журналист вынужден будет писать хвалебные статьи.
Но это мне удалось зафиксировать попытку шантажа, а ведь у других журналистов, которым тоже угрожают, не всегда есть такая возможность. И потом, чиновники, представители силовых структур не всегда ведут себя так явно и так нагло. Все это может делаться более закрыто. Я знаю, что в Волгограде сотрудники ОБХСС, для того чтобы прибрать к рукам независимые газеты, которые могли бы выступить с критикой их ведомства, приходили в редакции и подолгу наводили там порядок. В наше время, сами понимаете, в любой редакции можно что-нибудь найти, хотя потом может оказаться, что все это не так.
Я рассказала эту историю для того, чтобы было понятно, почему многие журналисты не берутся за какие-то серьезные дела, расследования. Проще опубликовать информацию, которая поступает через официальные структуры. Потому что любое расследование должно быть документировано, каждое слово должно быть подкреплено бумажкой. Бумажки можно получить официальным и неофициальным путем. Если идти официальным путем, то совершенно очевидно, что можно потратить месяцы и получить отписку, что все сделано но основании закона. Поэтому система запросов бесперспективна и маразматична. Таким образом журналисту получать серьезную информацию невозможно. А я как журналист хочу получить полную информацию, а не ту, которую власти хотят мне дать. Поэтому официального доступа к

информации, как такового, на мой взгляд, почти не существует. И журналисты в основном используют неофициальные методы добывания информации. Вплоть до того, что даже идут на какие-либо переговоры с преступниками или вмешиваются в какие-то разборки. Похоже, что от этого мы пока еще не можем отказаться. Пример - дело корреспондента "Комсомольской правды", которому пришлось проникнуть в браконьерскую среду. А как иначе получить информацию о том, что делается в этой сфере? В результате завели уголовное дело на журналиста.
Вот из-за всего этого такая получается ситуация, что мы много знаем, но мало пишем о том, что знаем. Нет бумажек под каждое слово, а без этого писать просто невозможно, потому что ни один суд не признает твою правоту, даже если будет малейшая зацепка, то из этого маленького прокола, не подкрепленного бумажкой, сделают так, что дело твое - проигрышное. В общем, у меня пессимистическое настроение на этот счет.